— Дрянь неблагодарная!

Хлоп!

Щёку обожгло болью. От силы обрушившегося удара голова мотнулась в сторону.

Двенадцатилетняя девочка схватилась за щёку, непонимающе и немного испуганно смотря на женщину средних лет перед собой.

Девочка была маленькой, болезненно худой, бледной и совсем не походила на «неблагодарную дрянь». Её хотелось утешить.

— Разве это не мадам Бальрес? Боже, что сделала эта малышка?.. — донеслись шепотки со стороны.

Благородные дамы прикрываясь веерами оживлённо обсуждали развернувшуюся на их глазах сцену.

— Понятия не имею. Но только не думайте вмешиваться… Это дочь от первого брака графа Ланчеса.

— Ах… так это она.

Ну да, старшей дочери графа Ланчеса можно было только посочувствовать.

Люмин Ланчес.

Да, она была дочерью графа. Но только от первого брака.

Никому не нужный ребёнок женившихся по расчёту людей.

Неудивительно, что её невзлюбила мачеха.

А сам граф, казалось, был беззаветно влюблен во вторую жену. И предпочитал вообще забыть о существовании нежеланной дочери.

И после их смерти лучше не стало.

— Кажется ещё немного и она убежит вся в слезах… Бедная малышка.

В этом они были правы. Люмин было всего двенадцать, где уж ей тягаться с женщиной, которая была и старше, и опытнее?

Для других это было просто мимолетным развлечением.

Люмин стояла, словно из последних сил сдерживая слезы, и молчала.

— Такая же дрянь, как мать! Отец умер, а она и рада! — продолжила женщина, явно посчитав, что если девочка молчит, то значит сейчас начнёт огрызаться в ответ. Она не хотела оставлять ей и шанса.

Понимая, что просто пощёчиной дело не ограничится, присутствующие стали перешептываться.

Не то чтобы Люмин это беспокоило…

— Так себя ведёт на похоронах отца…

— Никакого уважения к умершим…

К «графу Ланчесу и его второй жене» — имели они в виду.

Отец и мачеха Люмин умерли в результате несчастного случая. И сейчас была торжественная церемония похорон.

До этого самого момента всё было тихо и торжественно, как и полагается похоронам.

Подобные сцены в их благородном обществе были редкостью, мало кто вёл себя настолько вызывающе вульгарно, что на глазах публики устраивал скандал. Словно какие-то простолюдины!

Но эти же самые «благородные особы» бросали на Люмин и стоявшую перед ней женщину пытливые взгляды.

Люмин сморгнула слезы и потупилась. На её белоснежной щеке резко выделялся алый отпечаток ладони.

Всем своим видом она показывала, что обвинения несправедливы. Но всё же не проронила ни слова.

И опять же, в этом не было ничего такого, никто и не ожидал, что ребёнок сможет дать отпор.

Но и сами не вмешивались.

Она чувствовала во рту привкус крови. Нащупала языком ссадину на внутренней стороне щеки. Силы мадам Бальрес не пожалела…

Люмин почти не прислушивалась к тому, что та говорила. Это не осталось незамеченным.

— Ты вообще меня слушаешь?! Я с тобой говорю!

Громкий на грани визга крик вырвал её из задумчивости.

И только тут она вдруг осознала, что перед ней её тетя, старшая сестра покойного графа Ланчеса.

Единственная оставшаяся в живых родственница со стороны отца…

Вдруг, наградив её мимолётным взглядом, перед Люмин шагнул мужчина, прямо обращаясь к мадам Бальрес:

— Мадам, всё же это похороны, прошу, держите себя в руках…

— Да вы хоть представляете, что она сказала? Наконец-то умерли! И это родная дочь! Да кто такое скажет о родителях?! — издала тётушка очередной душераздирающий вопль.

Ну, она сказала не совсем так. И не о них.

Люмин говорила о себе.

Она потёрла всё ещё ноющую щёку.

Пощёчина сработала не так, как рассчитывала тётушка. Но боль привела в чувство, полностью давая осознать, что всё это не сон.

Но точно не напугала, не сделала её сговорчивее или послушнее…

Ха, как будто какая-то пощёчина могла изменить человека. Хочешь, чтобы был послушным и благочестивым, ударь по правой. Строптивым и отъявленным мерзавцем — по левой.

И пока она об этом думала, то совершенно случайно встретилась взглядом с тётей.

Она смотрела так, словно хотела убить.

Ну, скорее даже не «словно хотела», а «точно хотела».

Не колеблясь ни мгновения, Люмин шагнула к ней.

И ударила наотмашь. Хлоп!

На этот раз уже на щеке той остался алый след.

Казалось, мадам Бальрес совсем даже не поняла, что произошло. Распахнула глаза, приоткрыла рот и было начала:

— Ах ты…

На лице Люмин больше не отражалось ни одной эмоции.

— Тётя так кричала… Словно была не в себе. Решила привести вас в чувство. Помогло?

— Ты с ума сошла? Дрянная девчонка, ты…

Видимо, она думала, что Люмин молча стерпит, не сказав ни слова против. А теперь мадам Бальрес едва ли не трясло от бешенства.

В отличие от тётушки, Люмин была абсолютно, непоколебимо спокойна.

— Ну что вы, я полностью в своем уме, но тетя всё ещё так кричит… Видимо, одной пощечины было мало? Нужно ещё?

Она говорила, не повышая голоса, с толикой заботы и нежности.

Это заставило мадам Бальрес побелеть от ярости.

— Мстительная сука… — прошипела мадам Бальрес.

— Ах, тётушка, откуда вы узнали, что меня именно так мачеха и звала?.. — с улыбкой перебила её Люмин. — Осторожнее тётушка, не стоит связываться с мстительными суками…

Будь она прежней собой, той двенадцатилетней девочкой, то даже пикнуть не смела бы против

тёти.

Раньше так всё и было.

Но не теперь. Хватит.

Это раньше она пыталась угодить, а что в итоге вышло? Над ней издевались и унижали долгие годы.

Она помнила свою прошлую жизнь. В той жизни она поселилась в доме тёти. Но для родни она была ничем не лучше служанки. И в итоге её принудили к браку с человеком, которого она не знала. И всё ради наследства, которое они в итоге и получили.

Они сделали всё, чтобы она не смела сказать ни слова против.

От одной только мысли об этом по спине пробежали мурашки.

Её тетя рано вышла замуж, и никто из семьи Ланчес не воспринимал её всерьёз. А та жаждала получить в свои руки все деньги семьи. Скорее всего в прошлой жизни именно тётя приложила руку к смерти Люмин.

Эта женщина просто хотела денег.

Она отчаянно хотела уже сейчас начать её ломать под себя.

Так что Люмин даже самую капельку не чувствовала себя виноватой. Тем более первой ударила не она. Это её ударили.

Так что она выпрямилась и занесла руку так, словно действительно собиралась снова влепить тёте пощечину.

У неё был шанс всё изменить.

И упускать его она не собиралась.

***

Люмин была законной наследницей графа Ланчеса, но всю жизнь к ней относились так, словно она — незаконнорожденная.

Всё началось со смерти её матери. Не прошло и года, как её отец женился вновь.

У мачехи уже был ребёнок: сын, всего на пару лет младше Люмин. И он очень-очень внешне походил на графа Ланчеса.

Эдмонд был прямым доказательством того, что граф был неверен. Но, казалось, это графа ни капельки не смущало. Он так любил вторую жену…

Не будь мать Эдмонда простолюдинкой, не будь самому графу нужны деньги, он бы никогда и ни за что не женился на матери Люмин.

Все это знали и как-то решили, что именно мать Люмин и разлучила графа с его возлюбленной. Что она была злой, коварной разлучницей, помехой на пути истинной любви и

счастья графа.

Для всех её мать была настоящей злодейкой.

А сама Люмин была её проклятым отродьем. Чтобы ей дали просто жить? Никогда.

Она искупала грехи матери, её воспитывали в строгости и смирении. Долгих пять лет.

Пока случайность не унесла жизни графа и его второй жены, мачехи Люмин. У кареты, в которой они ехали, подломилась ось прямо на ходу… Эдмонд и она — единственные, кто выжил.

— …Боже, у которого вечное милосердие и прощение! Смиренно молим Тебя о душах, которых призвал Ты от мира сего, да не предашь их во власть врага и не забудешь их во веки… — всё так же читал священник погребальную молитву.

На похороны съехались все дальние и близкие родственники и Люмин не могла просто уйти, пришлось ждать, когда закончится официальная часть.

Ближе к концу к ней вдруг подошел один из совсем уж дальних родственников.

— Боже, Люмин, как же ты выросла! — мужчина, которого она не совершенно не знала, вдруг обнял её и прижал к себе с таким пылом, словно наконец-то нашёл давно потерянную дочь.

— Вы кто?..

— Ох, когда умерла Хлоя я оборвал все связи с твоим отцом… Должно быть, ты меня совсем не помнишь! В последний раз мы виделись, когда ты только родилась. Я твой дядя!

Да кто вообще помнил первые мгновения жизни?..

Люмин смерила внимательным взглядом человека, утверждавшего, что он — брат её матери.

— Господи, какая ты худая. И бледная… А эти круги под глазами? Ты такая измученная! Ох, моя дорогая девочка, как же по тебе ударила смерть родителей!

Он говорил это так уверенно, словно ни на секунду не сомневался.

— Ах, дорогая, пойдем, отойдем в сторонку, нам с тобой надо о многом поговорить…

Люмин оглянулась на гостей, потом снова посмотрела на него и кивнула, соглашаясь. И когда они отошли, мужчина продолжил:

— Милая, ты должна возглавить семью.

http://tl.rulate.ru/book/76937/3864458